

АНДРОН
КОНЧАЛОВСКИЙ:«Я
дешевый
режиссер»

Если наша критика предпочитала смешивать доброе имя Кончаловского с дерьмом за фильм «Танго и Кэш», то о последней его работе — «Одиссее» говорили скорее как о главном событии прошедшего уже XX Московского кинофестиваля.

фото Владимира Персиянова

— Почему же Фрэнсис Форд Коппола так уговаривал вас взяться за съемки «Одиссея», а вы вначале так же бурно отказывались?

— Первый раз я отказался только потому, что сценарий не понравился. После этого Коппола потерял права на сценарий, сценарий попал к другой очень крупной телевизионной компании, но Коппола остался продюсером картины.

— Одним из четырех.

— Не важно — остался, это главное. И потому, когда реально возникли деньги, опять предложил меня. Компания же, финансировавшая проект, о режиссере Кончаловском ничего не знала, хотя мне об этом, естественно, не говорили. И вот на Эн-Би-Си решили, что Одиссея должен играть только что получивший номинацию за «Готти» Арманд Ассанд — звезда телевизионного кино, которого зрительницы просто обожают. Ассанд сказал: Кончаловский — да, остальные — нет. И вот тогда сразу все меня узнали и поняли, что только я и никто иной сможет делать этот фильм.

— В России, насколько можно судить, как раз режиссеры выбирают под себя актеров.

— В Америке это не так. Нет, ну если у режиссера двенадцать «Оскаров» (в этом слове Кончаловский обязательно делает ударение на «а». — Авт.), да и то не всегда. Но поскольку Ассанд выбрал Кончаловского, я стал даже как бы принудительным набором. Тогда-то Копполе и стали, мягко говоря, советовать, чтобы он всеми правдами и неправдами уговорил меня взяться за «Одиссею». Что Коппола и начал делать. Это же бизнес — я оказался нужен так же, как несколько лет назад, когда Сталлоне сказал: с Кончаловским хочу работать, а с другими нет.

— В России большинство уверены, что Сталлоне как раз-таки сделал все, чтобы вы ушли со съемочной площадки «Танго и Кэш».

— Я поругался с продюсером, но не с актерами... Мало ли что тут говорят!

— Но, по крайней мере, вы не будете оспаривать того, что фамилия Кончаловский ос-

талась в титрах этого шедевра вопреки вашей воле?

— А почему она должна была оттуда исчезнуть — я же снял большую часть картины. Только финал не мой. Я отказался, потому что считал его полным дерьмом. И мне вначале даже пообещали его переделать.

— Но финал как был дерьмом, так дерьмом и остался...

— Остался...

— Как и фамилия в титрах.

— Ну и что? Я не хотел ее убирать, ибо твердо уверен: всегда видно, где я кончил снимать и началась работа другого.

— Савелий Крамаров незадолго до смерти утверждал, что появление его имени в числе первых после названия фильма доказывает, какая значительная роль в его исполнении задумывалась, и только коварный не то продюсер, не то еще кто сделал так, что его героя увидели только на автостоянке.

— Уверяю вас, у него был эпизод, не больше, — мне просто хотелось сделать ему приятное.

— Ну хорошо. А что все-таки пришлось делать Копполе, чтобы уговорить вас снять «Одиссею»?

— Мы договорились до того, что я, помимо всего прочего, становлюсь и автором сценария. То есть могу делать все, что хочу, — я становлюсь создателем фильма. И тогда мне стало интересно, я согласился.

— Совершенно перелопатив сценарий на свой манер?

— Я его не перелопатил, а написал новый. Разница — принципиальная. В варианте, который мне предлагали, все было неправильно, с моей точки зрения, — интерпретация, структура, философия... Я его просто положил в сторону, чтоб не сказать — выбросил в корзину.

— А то, что критики сейчас достаточно прохладно отзываются о вашем очередном шедевре, не заболит?

— Какие критики? Российскую критику я не читаю, а американская вполне доброжелательна.

— То есть? Я своими глазами видел, что это далеко не так.

— Да картина побила рекорды последних шести лет! Она выдвинута на пять номинаций «Эмми». (Ничего удивительного — мне доводилось смотреть фильмы, выдвинутые и на шесть «Оскаров», которые в итоге не взяли ни одного. — Авт.) Так что, откуда у вас информация такая, я не знаю.

— Я читал.

— В русских изданиях? Тогда понятно.

— Уверены, что у нас все ставят с ног на голову?

— Нет. Знают все, но неточно.

— Простите, но не могу с вами согласиться.

— А, ну конечно, было несколько журналов, которые критиковали. Но в большинстве своем абсолютно замечательное восприятие.

— Сейчас вы из принципа не согласитесь с тем, что Ассанд был на съемочной площадке по 70 часов — шесть дней в неделю. На мой взгляд, какой-то совершенно дикий ритм.

— По 12 часов в день — да, был.

— Зачем же вы так измывались над бедными западными актерами? Они на съемках страдали, а вы их по полдня держали перед камерой. Ассанд, если ему верить, так вообще болел четыре раза, и даже когда приехал домой — тут же слег в больницу с воспалением легких.

— Да ладно! Ну, иногда действительно было не легко... Но люди же любят рассказывать, с какими трудностями им пришлось столкнуться и как потом они их героически преодолели. И я болел, и все остальные, а однажды так вся группа свалилась. Дождь, вода, елки-молотки, тяжело. Хотя что это я? Не так уж и тяжело было. Бывает тяжелее в мире. Наша трудность была только в том, что надо было снимать за такой короткий срок — шестнадцать недель. В два раза быстрее, чем нормальное кино.

— А зачем такой темп был выбран?

— Темп не выбирается — он навязывается. Картина должна была выйти 17 мая, причем дата выпуска была определена еще до того, как я начал снимать.

— Странно, ибо в последнее время чаще откладывают, бюджет картин увеличивается без всяких на то оснований.

— Телевизионные фильмы, как правило, не откладываются — это могут позволить себе лишь те, кто снимает широкоформатное кино. А телевизионные постановки должны быть выпущены точно в срок. Есть десять дней, когда телевизионные магнаты показывают свою продукцию, и ввиду этого определяется их выручка на ближайшие пять месяцев — из-за того, сколько стоит минута рекламы. Это очень серьезная финансовая операция, когда все показывают лучше. И то, на что зритель обращает больше внимания, определяет цену рекламы на следующие пять месяцев. Речь идет о гигантских суммах.

— С потрясающим знанием дела вы рассказываете о таких, казалось бы, узкоспециализированных вещах...

— А я этого не знал — мне просто растолковали, почему никак нельзя выпустить картину осенью, как я того вначале и хотел.

— И после этого вы почувствовали себя дорогим режиссером?

— Для телевидения — да. Для кино — нет. Должность телевизионного режиссера скорее функциональная, она не имеет такого статуса, как в кино.

— Вы действительно взяли за телевизионную версию «Одиссею» только потому, что хотели, чтобы фильм увидело как можно

ПЛЯСКИ ВМЕСТО КИНО.

XX Международный измучил всех: устройств, участников, зрителей.

Ну никак не получается у нас хороший международный кинофестиваль провести — хоть тресни! Тужимся, тужимся, а в результате...

пшик.

Фестиваль категории «А» (к которой по неведомой, некой мистической причине еще принадлежит МКФ) оценивается по двум важным параметрам — уровню конкурсных лент и кинорынку. Что до кино